Я. Ладани

НЕФОРМАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОСТ СТРОИТЕЛЬСТВА ЧАСТНОГО ЖИЛЬЯ В ВЕНГРИИ

Влияние строительства частного жилья на жилищный фонд

В послевоенные годы в Венгрии значение жилищного фонда возросло. Паттерны роста населения и изменений права владения в период с 1949 по 1989 гг. отражены в табл. 1. За эти 40 лет число квартир на 1 тыс. чел. выросло с 268 до 373. Этот рост сопровождался очень низким темпом роста населения (15 %). При этом 60-процентный рост жилищного фонда сопровождался 25-процентным спадом аренды государственных квартир. Быстрее всего жилищный фонд увеличивался в 1970-1980 гг., когда началось падение стоимости аренды государственного жилья. И этот случай требует особого рассмотрения (Farkas, Vajda, 1990). Значительная часть фонда жилья и самые важные элементы семейного бюджета вышли из-под контроля центрального планирования и перераспределения. Эти существенно модифицированные отношения собственности изменили семейные бюджеты и покачнули фундаментальные идеологические табу.

Для того чтобы пролить свет на этот феномен, позволю себе обратиться к личному опыту. В самом конце 1960-х гг. в разгаре реформ, отгремевших по всей Восточной Европе, но дольше всего продлившихся в Венгрии, я как студент, интересующийся проблемами жилья, написал одно из моих эссе. Должно быть, я задавался очень неудобными вопросами, потому что мой профессор, известный эксперт в области финансов, для получения дополнительной информации отправил меня к одному из главных чиновников в Управлении Центрального планирования. Очевидно, он хотел, чтобы я почувствовал себя частью «реально существующего социализ-

ма». Выслушав мои вопросы, основанные на ложных убеждениях, «ответственный товарищ» разразился следующей речью: «Послушай, мы планируем значительные объемы строительства жилья с 1956 г. Каждый раз мы делаем так, чтобы доля строительства частного жилья составляла одну треть, а государственного - две трети. В принципе, так оно и получатся, но только наоборот. Несмотря на наши усилия, две трети новых квартир строятся на частные средства и одна треть - на государственные. Но не беспокойся - эти пропорции мы запланируем на следующий период».

Таблица 1

	Населени е в тыс.	Годо- вой уровень роста	Едини цы жилья в тыс.	Годовой уровень роста	Единицы жилья на тыс. чел.	Снимаем ые у гос- ва(%)
1949	9205	-0.15	2467	0.3	268	38
1960	9961	0.73	2758	1.1	277	38
1970	10322	0.33	3122	1.2	302	34
1980	10710	0.34	3542	1.2	331	30
1984	10657	-0.10	3774	1.3	354	26
1989	10590	0.14	3951	0.9	373	19

Как стало ясно в дальнейшем, «спонтанное развитие» оказалось сильнее «центрального планирования». В конце 1970-х гг. доля частного жилья уже превышала волшебные «две трети», к началу 1980-х гг. она превысила 80%, а к концу десятилетия составляла значительно больше 90 %. Менялось и его качество. Большая часть государственной недвижимости представляла собой новые многоэтажные блочные дома. Частное строительство, напротив, имело место больше в сельских районах с низкой плотностью застройки, с использованием традиционных технологий. В этих домах, и отличие от государственных, отсутствовало центральное отопление, водопровод, канализация. Однако по всем остальным показателям качества частная недвижимость превосходила государственную. Например, в 1970 г. 12,4 % государственных квартир и 9,1 % частных домов состояли из более чем 2,5 комнат. К 1984 г. эти показатели составили 13,6 % и 33,4 % соответственно.

Данные о времени, затраченном на строительство и реконструкцию, хорошо демонстрируют важность частного строительства. В 1987 г. 17 % всего рабочего времени, потраченного на строительство и реконструкцию жилья в Венгрии, приходились на рабочих государственных строительных компаний, 9 % - на рабочих маленьких частных компаний, а 74 % - на индивидуальное строительство (Farkas, Vajda, 1990).

Частное строительство жилья
и система центрального перераспределения

В конце 1940-х гг. Советский Союз принудил Венгрию перейти к так называемой системе централизованного экономического планирования. Базовый принцип этой системы заключался в отделении владения товарами и услугами от производства, их централизации и перераспределении. Политика жизненных стандартов, которой сопровождалась эта система, в общем и целом характеризовалась низкой оплатой труда и централизацией части реальной стоимости труда в государственном бюджете для того, чтобы в различных формах субсидировать низкую заработную плату. В значительной степени вышеупомянутые меры можно объяснить социальными целями: прежде всего государство стремилось гарантировать всем гражданам, независимо от их места в социальной иерархии и разницы в доходах, определенную часть производимых товаров и услуг, которые считались основными, для выравнивания жизненных шансов. Этим целям отвечала и система потребительских цен (Ladanyi, 1975).

К концу 1940-х гг. система перераспределения, встроенная в политику доходов населения, стала неотделима от перераспределительной системы, «вплетенной» во всю экономику. В конце 40-х и начале 50-х гг. наиболее привилегированные социальные группы с помощью вторичного и зачастую скрытого перераспределения товаров и услуг начали получать различные экономические и социальные преимущества (например, госпитализация на улучшенных условиях, высоко оплачиваемый отдых, служебные машины, поставка дефицитных товаров). Все это происходило на фоне вышеупомянутого экономического контекста и несмотря на весьма ограниченные ресурсы. Вопиющее социальное неравенство в распределении социальных льгот ни в коем случае нельзя рассматривать

лишь как следствие коммунистических преобразований. Еще до периода реформ привилегии и неравенство были связаны с положением в политической иерархии. Последующие реформы смешали это положение дел с логикой экономической рациональности и сделали видимыми эти различия, существовавшие до того в скрытых формах (Ladanyi, 1976).

Эта общая модель нашла отражение и в строительстве жилья. Многоквартирные дома и крупные виллы были национализированы во второй половине 40-х гг. Однако дома «на одну семью» (single-family houses) оставались в частной собственности, поскольку коммунисты хотели продемонстрировать, что небольшая частная собственность все-таки возможна. При этом щедро субсидировалась аренда государственной недвижимости. Ее расположение, величина, качество и арендная плата могли абсолютно не зависеть от дохода семьи, снимающей квартиру.

Со временем для социальных групп, имеющих влияние на процесс централизованного распределения, увеличивалась вероятность получать те товары и услуги, которые считались дефицитом. Высокий статус «более важных членов общества» получал выражение в размере заработной платы (Szelenyi, 1972). В этом случае мы сталкиваемся с перераспределением части национального дохода, что выражается в гарантировании лучших шансов людям с более высоким статусом и доходом при помощи более высоких государственных субсидий.

В дополнение стоит сказать, что поскольку в Венгрии вплоть до конца 1960-х гг. инвестиции капитала в сферу производства были практически невозможны и очень сложны (и не безопасны по причине непредсказуемости политического отношения к частным инвестициям), жилье стало важнейшим предметом частного потребления. По этим причинам, а также потому, что поездки в капиталистические страны были строго запрещены, многие венгерские семьи (возможно, самый высокий показатель в мире) приобретали второй дом или строили его самостоятельно. Зачастую он не уступал по размерам первому или даже превосходил его. Это кажется весьма удивительным, учитывая очень плохое качество жилья в Венгрии, но представляется вполне разумным ответом на ситуацию, в которой существовали венгерские семьи. Такие иррациональные

инвестиции могли иметь место только в странах с плановой экономикой[1].

Влияние частного жилья на систему социального неравенства

Какой эффект оказало массовое строительство частного жилья на модель социального неравенства, сложившуюся в рамках системы центрального планирования? Кто были те люди, которые пытались зарабатывать на жизнь и оперировать за пределами центральной системы строительства государственного жилья и центрального перераспределения?

Как уже отмечалось, тот факт, что все увеличивающее количество семей пыталось решить свои жилищные проблемы за пределами заботы всемогущего государства, подрывал фундаментальные идеологические табу. Венгерская шутка, хорошо описывающая перераспределяющее государство, состояла из двух слов, отличающихся в венгерском всего лишь одной буквой (osztogato -fosztogato), означавших соответственно «раздача, распределение» и «мародерство, грабеж». Это сомнение в действительной природе государства было очень важно, особенно в случае с самым дорогим потребительским товаром - жильем.

Этнографическое описание пионеров строительства частного жилья было создано писателями и социографами (бытописателями) еще задолго до социологов, слишком стесненных рамками идеологии. Типичный «пионер» частного домостроительства был молод, женат, являлся или «посткрестьянином» или «до-рабочим»; вследствие коллективизации сельского хозяйства он был вынужден или остаться в деревне и ездить на работу в ближайший город, или, что даже типичнее, вообще переехать в город. Понятие «посткрестьянство» было разработано Иштваном Маркусом (Markus, 1991) в начале 1970-х гг. С помощью этого понятия он пытался описать социальные последствия венгерской коллективизации, индустриализации и урбанизации, относительную стабильность переходного положения между крестьянством и рабочим классом, а также субстантивную экономику выживания фермерства, поддерживавшего су-

[1] Частные дома и квартиры могли быть проданы или переданы по наследству. Вначале в этой связи существовало множество ограничений, но с конца 1960-х гг. их количество стало уменьшаться. Существовал большой вторичный рынок жилья, на котором продавались не только частные, но и государственные квартиры (последние - нелегально или полулегально).

ществование через участие в экономике, основанной на домохозяй-ствах.

Эта весьма специфическая интерпретация «нового рабочего класса» была также озвучена Иштваном Кемени в самом начале 1970-х гг. (Кетёпу, 1972). Говоря о новом «восточно-европейском рабочем классе», он имел в виду особый феномен, который в то время активно обсуждался некоторыми учеными (Mallet, 1963; Gorz, 1967). Благодаря характерным чертам экономики советского типа и специфическим изменениям, имевшим место в структуре рабочего класса в советских государствах (коренным образом отличных от изменений, происходивших в Западной Европе), сформировалось специфическое явление, которое именовали «новым рабочим классом». Кемени интерпретировал индивидов и семьи как в географических, так и в структурных понятиях, определяя их как «массу в пути» и указывая, что этот процесс не свободен от недостатков и влияния устойчивых тенденций.

Джорджи Конрад и Иван Селеньи (Konrad, Szelenyi 1971) ввели понятие «замедленной урбанизации». С его помощью они пытались объяснить систематическую замедленность урбанизации центральным планированием, прекращение городских и вообще «непродуктивных» инвестиций и перераспределение финансовых средств в индустрии (и в «производственной сфере»). Главными проигравшими в этой ситуации оказались рабочие, жившие в сельской местности, но вынужденные ездить на работу в город.

«Замедленная урбанизация» является характеристикой целого периода, одним из последствий которого оказалось исключительно большое количество тех, кто переехал в город из деревни или стал регулярно ездить туда на работу. У «посткрестьян» и «до-рабочих» возникли очень серьезные проблемы с жильем. Главный герой нашей истории рано или поздно осознавал, что получить его через каналы центральной системы перераспределения он сможет только через несколько десятилетий. В результате он начинал строить свой собственный дом. На маленькую зарплату он мог позволить себе лишь участок в отдаленном месте без какой-либо общественной инфрастуктуры, который ранее использовался для сельскохозяйственных целей. Позже он «доставал» (покупал, крал или покупал

краденое) железо, цемент и кирпич[1]. Наш герой много работал сверхурочно (в то время для рабочих это чуть ли не единственный способ повысить свой заработок), на протяжении нескольких лет проводя все выходные и оттачиваемые праздники на предприятии (Kemeny, Kozak, 1971; Herthy, Mako, 1972; Haraszti, 1989). В то же время он тратил очень мало, обычно питался тем, что он сам выращивал, и ограничивал все свои запросы. Если не происходило ничего экстраординарного (болезнь, развод, авария или, что особенно характерно, запой), он периодически снова и снова получал возможность «достать» еще строительного материала. В результате фундамент «окончательного дома» вырыт, стены постепенно строятся, и рано или поздно появляется крыша. Однако по причине недостатка наличных денег и/или заемных средств строительство продвигается очень медленно. Поначалу никаких кредитов на строительство домов на одну семью не было. Позже, в начале 1970-х гг., кредиты такого рода появились, но были гораздо меньше, чем те, которые предоставлялись на строительство государственного жилья высокостатусным людям, и условия их получения были гораздо хуже. Поэтому пионеры частного строительства обычно использовали наименее ценные земельные участки. Обычно в доме не было никаких удобств, жилье было маленьким, а его строительство занимало много времени. Штукатурка с наружной стороны стен появлялась лишь через 8-10 лет, «ванная» в течение длительного периода времени использовалась как кладовая, а обязательные балконы не имели ограды.

Реципрокность

Те, кто строили свои дома в «героическую эру», тратили на жилье худшего качества больше, чем высокостатусные семьи, ставшие обладателями бесплатною или практически бесплатного государственного жилья через ограниченные каналы централизованного перераспределения (Szelenyi, 1972). Это было возможно не только в силу большого объема «самостоятельного труда» (own-labour content) и «полученных» материалов, но и потому, что большинство этих домов было построено с помощью реципрокного обмена труда - «калака» («kalaka»).

[1] Согласно средним оценкам, по крайней мере одна треть построенных таким образом домов вошодилась с помощью украденных у государства материалов.

Калака является широко распространенной формой труда, организованного по принципу сети и основанного на реципрокности. В рамках этой структуры между собой контактировали скорее домохозяйства, чем индивиды, и целью было получить/предоставить приблизительно равное количество труда от каждого члена трудовой сети на протяжении относительно продолжительного периода времени (Sik, 1988). Новые рабочие, вынужденные строить дома, принесли традицию калаки в города, что позволило им минимизировать денежные расходы на строительство. Калака позволяла использовать трудоемкие технологи, что было необходимо, поскольку в большинство случаев устаревшие бетономешалки были единственным «высокотехнологичным» оборудованием; важнее было минимизировать расходы наличных денег, а не количество труда. Как бы то ни было, поскольку традиции строго регламентируют вознаграждение за такой вид работы, общее время, потраченное на строительство жилья, в дальнейшем увеличивалось благодаря необходимости отработки за калаку, полученную ранее.

Централизованное распределение, рынок и социальное неравенство

Как все это влияло на существовавшую систему социального неравенства? Существует несколько противоречащих друг другу теорий. Согласно ортодоксальному марксизму, централизованное перераспределение жилищных льгот/возможностей функционировало как часть плановой экономики, и ее результатом должно было стать уменьшение неравенства. Все противоречившие факты интерпретировались как индивидуальные исключения, и их причиной назывались коррумпированные чиновники. Нет необходимости говорить о том, что эта теория до сих пор не доказана эмпирически. В свою очередь Конрад и Селеньи (Konrad, Szelenyi, 1971) доказали, что социальные группы с высоким статусом систематически имели лучшие шансы на получение государственного жилья, и эта ситуация логически следует из логики централизованного перераспределения. Их аргумент заключался в том, что при условии бесплатных (или почти бесплатных) услуг появляется неограниченный спрос. А поскольку государственные квартиры существовали в ограниченном количестве (или, если говорить точнее, они были ограничены, потому что не имели реальной цены), они никоим

образом не могли быть предметом неограниченного спроса. Неизбежно применение нового принципа: квартиры распределяются исходя не из необходимости, а из «социальной ценности» или «заслуг» кандидатов. Кроме того, общество стремится наградить «лучших членов» высокой зарплатой. Следовательно, центральное перераспределение жилищных льгот не уменьшает, а даже скорее увеличивает социальное неравенство (Szelenyi, 1972). Схожие тенденции можно обнаружить при анализе перераспределительной системы социальных льгот в целом (Ladanyi, 1975,1976).

Позже Селеньи пришел к теоретическому заключению о том, что результатом перераспределения является рост социального неравенства, тогда как рыночные механизмы ведут к его уменьшению. В результате благодаря рыночным условиям, крепнущим в странах Восточной Европы, можно ожидать не только роста эффективности экономики, но и снижения социального неравенства. Затем Селе-ньи, опираясь на новые эмпирические данные, установил, что в любом обществе существует фундаментальная система интеграции, которая порождает первичное неравенство, тогда как дополнитель-ные схемы интеграции корректируют созданную таким образом систему неравенства. В условиях социализма, при котором перерас-пределение оказывается «фундаментальной схемой» интеграции, неравенство создается перераспределением. В рыночной экономике происходит обратное (Szelenyi, Manchin, 1986). Не пытаясь подробно критиковать вышеизложенную теорию (см. об этом Ferge, 1986), в этой работе мы рассмотрим лишь начальную идею. Как же повлияло появление и развитие строительства частного жилья на систему социального неравенства, возникшую в социалистических обществах?

Важно прояснить, в какой степени строительство частного жилья, осуществляемое «посткрестьянами» и «до-рабочими» в рассматриваемый период, может считаться примером рыночной активности. С одной стороны, верно, что герои нашей истории обнаружили трещины в перераспределительной системе и попытались их расширить. Таким образом, они создали правила деятельности, которая качественно отличалась от системы централизованного перераспределения. С другой стороны, верно и то, что дома, построенные из ворованных материалов с использованием калаки, можно считать продуктом рынка лишь с большими ограничениями, по-

скольку их владельцы участвовали скорее в реципрокном обмене, чем в рыночных отношениях.

Стоит подробнее остановиться на теории, согласно которой благодаря раннему строительству частного жилья социальное неравенство уменьшалось. Большинство первых строителей частных домов принадлежало к социальным группам, члены которых не могли рассчитывать на получение в разумный период времени субсидированной государственной квартиры в рамках централизованного государственного распределения жилья. В итоге эти социальные группы «извлекли выгоду из своего невыгодного положения» (Szelenyi, 1972) и помогли себе сами с устройством лучшего, чем у некоторых привилегированных граждан, жилья. Тем не менее мы отмечаем, что такой путь решения жилищной проблемы - тогда и сейчас - невозможен для тех, кто находится на самом дне социальной иерархии. Эти люди не могли не только получить государственных льгот на жилье через систему централизованного перераспределения, но и использовать возможности рынка для решения своих жилищных проблем.

Заключительные замечания

Очевидно, что строительство частного жилья не обладало четким уравнивающим эффектом. Ранний рынок жилья в социалистических экономиках может быть назван рынком лишь в узком смысле этого слова, поскольку он подчинялся распределительной системе и был сильно связан с реципрокным обменом.

Реформисты Восточной Европы были весьма наивны, когда конструировали различные уравнивающие эффекты рыночной экономики (начиная с наблюдения, что медленно развивающаяся рыночная экономика создает новые типы социального неравенства и иерархию, отличную от той, которая характеризует распределительную экономику). Сегодня становится все яснее, что и рыночная, и распределительная экономики следуют логике фундаментальной власти и отношений выгоды в данном обществе, и потому нельзя утверждать, что рыночная экономика более или менее эгалитарна, чем экономика централизованного распределения. Единственное, что можно утверждать с определенной долей уверенности: распределительная система имеет те же социальные эффекты, что и ры-

ночная «экономика» в более узком понимании, будучи при этом менее эффективной.

Farkas, E. Janos es Vajda Agnes (1990): Lakashelyzet: allami es maganlakasok (Housing conditions: state and private housing), In: Andorka, Rudolf et al. (eds.) Tarsadalmi riport (Social report), TARK1, Budapest.

Ferge, Zsuzsa (1986): Zsortolodo megjegyzesek Szelenyi Ivan es Manchin Robert tanulmanyahoz (Comments on the study of Szelenyi and Manchin), Medvetanc, Vol. 2-3.

Gorz, Andre (1967): Le socialisms difficile, Ed. du Senil, Paris Haraszti, Miklos (1989): Darabber, Teka, Budapest. (Worker in a worker's state) Hcrthy, Lajos es Mako, Csaba (1972): Munkasmagatartasok es a gazdasagi szervezet (Worker behaviours and economic organization), Akademiai Kiado, Budapest.

Kemeny, Istvan es Kozak, Gyula (1971): A Csepel Vas es Femmuvek munkasai (Workers of the Csepel Metal Works), Tarsadalomtudomanyi Intezet, Budapest.

Kemeny, Istvan (1972): A magyar munkasosztaly retegzodese (Stratification of the Hungarian working class), Szociologia, Vol. 1. pp. 30-48.

Konrad, Gyorgy es Szelenyi, Ivan (1971): A kesleltetett varosfejlodes tarsadalmi konfliktusai (Social conflicts of delayed urbanization), Valosag, Vol. 12. pp. 19-35. In English: In: Brown, A.A. et al. (eds.) Urban and social economics in market and planned economies, Vol. 1. Praeger, New York, 1974. pp. 206-226. Ladanyi, Janos (1975): Fogyasztoi arak es szocialpolitika. Valosag, Vol. 12. pp. 16-29. In English: Consumer prices and social policy, Paper presented at the 9th World Congress of Sociology, Uppsala, Sweden, Aug. 1978.

Ladanyi, Janos (1976): A gazdasagi mechanizmus valtozasai, kozponti es vallalati szocialis juttatasok, szocialpolitika (Changes of the economic mechanism, central and enterpreneurial social benefits, social policy). Valosag, Vol. 9. pp. 33-46. Ladanyi, Janos (1977): Kozsegekben elo munkasok (Workers living in villages). Szociologia, Vol. 1. pp. 28-41.

Mallet, Serge (1963): La nouvelle classe ouvriere, Editions du Seuil, Paris.

Markus, Istvan (1991): Az ismeretlen foszereplo (The unknown heroe). Szepirodalmi Konybvkiado, Budapest.

Sik Endre (1988): Az "oirok" kalaka. Gondolat Konyvkiado, Budapest. In English: Reciprocial exchange of labour in Hungary. In; Pahl, Raymond (ed.) On work, Blasil Blackwell, London. Szelenyi, Ivan (1972): Lakasrendszer es tarsadalmi sturktura (Social structure and housing). Szociologia, Vol. 1. pp. 44-74.

Szelenyi, Ivan (1983): Urban inequalities under state socialism, Oxford Univ. Press, Oxford.

Szelenyi, Ivan es Manchin, Robert (19S6): Szocialpolitika az aliamszocializmusban. Medvetanc, Vol. 2-3. pp. 69-111. In English: Social policv under state socialism, In; Esping-Anderson, G.L. and Rainwater, M.R. (eds.) (1987) Stagnation and renewal in social policy, Sharpe, White Plains, N. Y.

Пер. с англ. Ф. Погорелова